

После того как они приняли две чрезвычайно ценные пилюли, Кан Линъи и Е Ваншу словно погрузились в глубокий сон под действием невидимой и невероятно сильной силы. Их жизненные силы, дух и энергия, казалось, мгновенно иссякли, и они безвольно обмякли на мягкой постели, постепенно теряя связь с внешним миром. Даже незаметные изменения света за окном и медленное восхождение солнца не нарушили их покоя. Только к полудню, когда палящие и прямые солнечные лучи, словно спеша с некой миссией, бесцеремонно проникли сквозь резные оконные рамы, залив всю комнату ослепительным золотистым светом, спящие на кровати разом пробудились.

Сяо Сучао и Гу Сюхань всю ночь не смыкали глаз, неотступно находясь у постели. В их глазах, полных ужасных красных прожилок, готовых, казалось, истечь кровью, тем не менее, по-прежнему светились преданность стражей, не позволяя себе ни малейшего ослабления. Их взгляды были прикованы к спящим, и ни малейшее подрагивание ресниц или сжимание пальцев не могло ускользнуть от их внимания.

Первой признаки пробуждения подала Кан Линъи. Ее длинные и густые ресницы едва заметно дрогнули, так же тонко, как крылья бабочки в легком взмахе. Сяо Сучао мгновенно уловил это малейшее изменение и, не теряя ни секунды, наклонился вперед, его голос стал тихим и мягким, когда он прошептал: «Линъи, как ты себя чувствуешь?» Напряжение и забота в его тоне были так густы, что, казалось, могли вот-вот выплеснуться наружу. Кан Линъи медленно открыла глаза, еще затуманенные сонливостью и растерянностью после пробуждения. В этот момент дверь распахнулась, и оттуда донесся радостный крик: «Ого, наконец-то моя драгоценная сестричка проснулась! Я так волновался, что и сам не мог уснуть!» С этими словами Е Наньсянь стремительно ворвался в комнату, на его лице играла улыбка, но при ближайшем рассмотрении было видно, что усталость в глазах, которую он тщетно пытался скрыть, выдавала его беспокойство и спешку, с которой он бросился сюда, услышав новость.

Он мельком взглянул на Сяо Сучао, чье лицо было измождено и осунулось, и не удержался от шутливого замечания: «Молодой господин Сяо, всю ночь на страже, устал, должно быть? В обычные дни я не видел, чтобы ты так заботился о моей сестре, проявляя такую внимательность и усердие». Сяо Сучао сейчас всецело был поглощен мыслями о Кан Линъи и не имел ни малейшего желания отвечать на поддразнивания Е Наньсяня. Он лишь с тоской смотрел на Кан Линъи, надеясь получить от нее хоть какое-то ответное слово. Кан Линъи раздраженно испепелила Е Наньсяня взглядом, подняла руку и потерла виски, где пульсировала боль, и проворчала: «Брат, не дразни меня в такой момент. У меня до сих пор голова болит, и я чувствую головокружение».

Почти одновременно с этим, Е Ваншу тоже медленно пришла в себя. Как только она открыла глаза, то увидела Гу Сюханя, стоящего рядом с изможденным лицом. Выражение его лица невольно смягчилось. Е Наньсянь, будучи зорким, сразу заметил это тонкое изменение и, повернув голову, снова включил свой шутливый режим, обратившись к Е Ваншу: «Ваншу, посмотри, Гу Сюхань ради тебя чуть не превратился в камень ожидания! Не сердись на него, прости его на этот раз, ладно?» Щеки Е Ваншу мгновенно залил едва заметный румянец, и она упрекнула: «Брат, не мешай здесь чужие судьбы». Хотя ее слова были упреком, в голосе не было прежней холодности и отстраненности, создававшей дистанцию.

Когда сестры умылись и привели себя в порядок, все переместились в просторную и светлую гостиную. Е Наньсянь уже все предусмотрел, и, изящно отдав распоряжение, хорошо

обученные слуги с необычайной ловкостью накрыли стол, заставленный едой. Горячий пар поднимался от блюд, и аромат мгновенно наполнил каждый уголок гостиной, придавая пространству теплую домашнюю атмосферу. Но едва они сели за стол, как атмосфера незаметно стала напряженной: Кан Линъи снова приняла холодный вид по отношению к Сяо Сучао. Сяо Сучао, стараясь быть как можно осторожнее, выложил ей в тарелку ее любимое блюдо. Кан Линъи же, словно не заметив этого, даже не притронулась к нему. Е Наньсянь, наблюдавший со стороны, забеспокоился и незаметно подмигнул Сяо Сучао, словно безмолвно призывая: «Моя сестра все еще обижена, прояви инициативу, не стой как истукан!»

После ужина Сяо Сучао, решив во что бы то ни стало добиться прощения, неуклонно последовал за Кан Линъи в сад. Добравшись до уединенной части сада, он, собрав всю свою смелость, достал из-за пазухи искусно вырезанный веер из бамбука. Этот бамбуковый веер был поистине необычным: в руке он ощущался теплым и гладким, бамбуковые узлы были отполированы до почти идеального состояния, тускло поблескивая мягким, как нефрит, блеском. Легко раскрыв его, внутри можно было разглядеть золотые нити, образующие шелковую поверхность, которая, играя в лучах солнца, мерцала сдержанным, роскошным отблеском, словно сон. Всмотревшись внимательнее, на веере можно было увидеть великолепное двустороннее вышивание: с одной стороны была вышита слива, цветущая среди снега, стежки были мелкими и плотными, лепестки — яркими и сочными, словно готовые выпорхнуть с поверхности веера; с другой стороны — несколько изящных и легких бабочек, настолько живых, что казалось, они могли взлететь в любую секунду. Более того, этот веер обладал успокаивающим эффектом, и, в отличие от густого, терпкого аромата сандала, он источал более мягкий и приятный запах, тонкие нити которого, словно легкий ветерок, незаметно проникали в сердце. Сяо Сучао протянул веер, пытаясь угодить и с некоторой робостью, заикаясь, сказал: «Линъи, я вел себя как идиот, и сделал много неправильных вещей. Этот веер — мой выбор, на поиски которого ушло много усилий, чтобы принести извинения. Ты возьмешь его, хорошо?» Кан Линъи, увидев веер, сначала вздрогнула, в глазах мелькнуло удивление, а затем она холодно фыркнула: «Неужели ты думаешь, что можно отделаться веером?» Несмотря на резкие слова, ее взгляд невольно задержался на этом невероятно изысканном веере, выдавая ее внутреннее колебание.

В то же время Гу Сюхань отвел Е Ваншу на террасу. Легкий ветерок на террасе создавал атмосферу непринужденности и покоя. Гу Сюхань с серьезным видом протянул альбом с нарисованными от руки картинами, который он долго готовил. Е Ваншу с любопытством взяла его и медленно открыла. В альбоме были только ее изображения: ее очаровательная улыбка в окружении цветов весной, лицо, сияющее от радости, глаза, наполненные блеском; ее хмурое выражение, когда она была раздражена делами летним днем, тонкие брови слегка нахмурены, губы слегка сжаты. Каждая картина была написана с мельчайшей детализацией, пропитанная глубокой любовью и привязанностью. Пролистывая альбом, Е Ваншу почувствовала, как в ее сердце, словно от упавшего камешка, начали разливаться необъяснимые волны. Однако, она продолжала настаивать на своем, говоря: «Рисунки не очень-то».

Послеполуденное время медленно текло. Е Ваншу, удобно устроившись в углу дивана в гостиной, скукаясь перебирала бархатную подушку в руках. Мысли ее унеслись вдаль, и она вдруг вспомнила, что сегодня вечером будет банкет, и почувствовала колебание. Она подняла глаза и взглянула на Гу Сюханя, который сидел неподалеку, сохраняя серьезность и время от времени украдкой поглядывая на нее. Она нетерпеливо спросила: «Мы идем на банкет, сестренка?» Говоря это, она не забыла бросить испепеляющий взгляд на Гу Сюханя, полный упрека и безысходности, прежде чем набрать номер Кан Линъи.

На другом конце провода быстро раздался ленивый и непринужденный голос Кан Линъи. Не успела Е Ваншу что-либо сказать, как Кан Линъи, словно точно угадав ее мысли, с легкостью произнесла: «Слышала, сегодняшнее вино и шампанское будут несравненными, пойдем попробуем?» В ее тоне чувствовалось бурное ожидание прекрасного вина, словно от одной мысли о густом нектаре, плескающемся в прозрачных бокалах, можно было избавиться от всей накопленной усталости и раздражения. Е Ваншу, слушая, почувствовала некоторое волнение, ее пальцы невольно начали стучать по подлокотнику дивана, и она начала размышлять.

Кан Линъи с той стороны тихо вздохнула и продолжила жаловаться: «С тех пор, как я в прошлый раз выпила, мое тело окончательно сдало. Мало того, что я болела до сих пор, так еще и непонятно как получила жар, и столько страданий перенесла. В выходной я не хочу больше заниматься этими надоедливыми делами, хочу полностью расслабиться».

Е Ваншу, слушая, закивала головой, словно толкушка: «Именно так, сестренка! Эти два дня меня так угнетали, я еще и так долго непонятно почему проспала. Если так дальше будет, я совсем заплесневею».

Голос Кан Линъи стал более оживленным: «Тогда решено. Оставим все это позади и устроим отличную вечеринку».

Стоящие рядом Сяо Сучао и Гу Сюхань с нетерпением наблюдали, как девушки, обмениваясь репликами, окончательно решили план, совершенно не в состоянии вставить ни слова. Сяо Сучао нервно тер руки, несколько раз начинал говорить и замолкал, всей душой желая пойти с Кан Линъи, чтобы иметь возможность исправить свои предыдущие проступки, вызвавшие ее гнев. Гу Сюхань тоже был полон тревоги, его взгляд постоянно был прикован к Е Ваншу, пытаясь передать свои желания взглядом. Но девушки совершенно не дали им возможности высказаться, и они могли только беспомощно ждать, словно две большие собаки, игнорируемые хозяином.

Видя, что их полностью игнорируют, Сяо Сучао стиснул зубы, резко шагнул вперед и громко сказал: «Линъи, я займусь организацией безопасности и транспорта сегодня вечером, все будет безупречно. Возьми меня с собой, я смогу решить любые мелкие дела». Его взгляд был горячим и решительным, не допускающим отказа.

Кан Линъи приподняла бровь и с усмешкой посмотрела на него: «О, так ты теперь такой активный?» Несмотря на слова, в ее глазах появился след смягчения. Е Наньсянь, находясь рядом, добавил: «С ним будет еще один человек, который сможет носить сумки». Кан Линъи хмыкнула, что означало согласие.

Гу Сюхань, увидев это, поспешно сказал Е Ваншу: «Ваншу, я тоже могу все организовать. Будь то твои любимые пирожные или мелодии, которые ты хочешь услышать на банкете, я все заранее приготовлю. Не оставляй меня». Е Ваншу склонила голову и оглядела его: «Посмотрим, как ты себя покажешь».

Когда сумерки тихо окутали землю, а вечерний бриз слегка подул, словно накрывая мир

тонкой вуалью, в это сказочное мгновение дверь комнаты Кан Линъи медленно открылась. Она вышла, и в одно мгновение, казалось, весь мир стал ее фоном, и взгляды всех невольно привлеклись к ней.

Элегантное ледяно-голубое шелковое ципао, словно сотканное из холодной воды небесного озера, шелк был невероятно гладким, с холодным, но увлажненным блеском, каждая нить которого, казалось, была нежно поцелована лунным светом. Ципао плотно облегалo ее фигуру, крой был непревзойденным, подчеркивая ее изящные изгибы до совершенства. От тонкой талии, которую можно было обхватить одной рукой, до полной, округлой линии бедер, и далее до стройных, прямых ног — каждый изгиб был словно самый удачный штрих мастера, полный очарования, но в то же время излучающий неприступный холод.

Сверху было накинуто пальто цвета лунного света, легкое и пушистое, как первый снег зимой, с каплей чистой нежности. Пальто было небрежно накинуто на плечи, воротник слегка распахнут, обнажая тонкую полоску белоснежной, как нефрит, шеи, перекликающуюся с холодностью ледяно-голубого ципао. Смешение холодных и теплых тонов порождало красоту, одновременно противоречивую и гармоничную, добавляя ее царственности нотку непринужденной элегантности.

Полный комплект украшений был ослепителен, детали исполнения демонстрировали роскошь. Воротник, манжеты и разрез ципао были усыпаны мелкими бриллиантами, словно разлившаяся галактика, плотно вставленными, образуя великолепный и изящный узор. Эти мелкие бриллианты, ловя каждый отблеск света в сгущающихся сумерках, начинали радостно сверкать при малейшем движении Кан Линъи, словно группа живых и игривых эльфов, прыгающих и резвящихся на складках одежды, делая и без того потрясающий наряд еще более сияющим.

А фиолетовый драгоценный камень, расположенный ниже ключиц, несомненно, был душой всего образа. Он был необработан, сохраняя свою первозданную грубость и таинственность. Глубокий, насыщенный фиолетовый цвет, казалось, хранил бесконечные секреты ночи. В центре почти черного тела камня упрямо мерцал слой соблазнительного света, который, переливаясь, то становился горячим и интенсивным, словно пламя, излучающее завораживающую магию; то становился глубоким, как дым, излучая неуловимую туманность, мгновенно приковывающую к себе души других.

На ногах серебряные туфли на высоком каблуке, каблуки тонкие и высокие, отражающие холодный металлический блеск в лучах заката. Материал верха гармонировал с ципао. Когда Кан Линъи шла, ее осанка становилась все более прямой и высокой, каждый шаг был уверенным и элегантным, а излучаемая ею аура роскоши вызвала восхищение у окружающих, не смевших смотреть прямо.

Е Ваншу вышла из комнаты, словно фея, случайно оказавшаяся в мире людей. Длинное платье-бюстье абрикосового цвета легко лежало на ней. Этот цвет был похож на цвет первых распускающихся абрикосовых цветов на ветках ранней весной — нежный и мягкий, придающий образу безграничную романтическую поэзию. Ткань платья была тонкой и гладкой, как лучший шелк, каждая нить которого излучала благородство, и, вслед за ее шагами, она рябила тонкими и изящными складками, словно журчащий ручей.

Дизайн платья-бюстье открывал ее изящные плечи и ключицы, кожа под абрикосовым цветом отливала мягким, как янтарь, блеском. Подол платья ниспадал, как облака, длинной цепочкой устилая пол. Когда она шла, он слегка колыхался, словно легкий ветерок тихо обдувал ее.

Золотые туфли на высоком каблуке, которые были на ней, были настоящим шедевром. Каблуки были тонкими и высокими, а золотой металлический блеск отражал ослепительный свет, словно собирая в себе последние лучи заката. Каждый шаг сопровождался чистым звуком столкновения каблуков с землей, подобно мелодии, придающей ее осанке еще больше элегантности и уверенности.

Украшения, которые дополняли образ, стали изюминкой. Ожерелье и браслет, искусно изготовленные из белого золота, излучали холодный и утонченный шарм. Ожерелье извивалось вниз по линии ее шеи, узор из белого золота был тонким и переплетенным, а в центре висел бриллиант в форме слезы, прозрачный и сверкающий. При малейшем движении он отражал радужный свет, словно звезда, сорванная с неба и повешенная на шею. Браслет был простым, но изящным, обхватив ее тонкое запястье. Блеск белого золота сливался с кожей, придавая ей еще больше экстравагантности и изыска при каждом движении, подчеркивая еще более неземной и утонченный образ Е Ваншу.

Сяо Сучао уже ждал ее у двери. Как только он увидел Кан Линъи, его глаза засияли необычайным блеском, открыто демонстрируя восхищение и благоговение. Он стремительно направился к ней, его осанка была прямой и элегантной. Он джентльменски протянул Кан Линъи руку и с искренностью в голосе произнес: «Линъи, ты сегодня невероятно красива, словно весь свет мира собрался здесь». Кан Линъи слегка приподняла уголки губ, очертив легкую, но соблазнительную улыбку. Она легко положила руку на руку Сяо Сучао и с усмешкой поддразнила: «У тебя такой язык, словно маслом намазан. Надеюсь, на банкете вечером будет такой же приятный сюрприз, соответствующий такой красоте».

Они сели в машину и отправились к месту проведения банкета. Теплый желтый свет внутри машины, словно мягкая вуаль, окутывал лицо Кан Линъи, добавляя нежности ее холодному, безупречному облику. Сяо Сучао пытался сохранять спокойствие, но его взгляд не мог не бросать украдкой взгляды на прекрасную спутницу. После долгих колебаний он наконец достал из кармана изящную коробочку. Он откашлялся и с некоторой нервозностью и ожиданием произнес: «Линъи, это вещь, которую я случайно нашел некоторое время назад. Увидев ее, я сразу подумал, что она идеально подойдет тебе». С этими словами он медленно открыл крышку. На бархатной подкладке тихо лежала пара жемчужных сережек. Круглая жемчужина излучала мягкий, теплый блеск, окруженная мелкими сапфирами. Синий свет переплетался с мягким светом жемчужины, создавая волшебное зрелище.

Кан Линъи слегка приподняла брови, в ее глазах промелькнуло явное удивление, но она не удержалась и сказала: «В тебе есть смысл». Получив такой ответ, Сяо Сучао, словно получив огромный заряд бодрости, немедленно взял серьги и осторожно надел ей. Пальцы случайно коснулись ее мочки уха, ее нежное и теплое прикосновение мгновенно вызвало легкий румянец на щеках Кан Линъи. Сяо Сучао, глядя на Кан Линъи, ставшую еще более яркой и прекрасной после того, как серьги были надеты, искренне восхитился: «Ты просто прекрасна, как небесная фея, превосходишь себя прежнюю».

Прибыв на банкет, хрустальные люстры щедро заливали зал ослепительным светом, превращая весь зал в светлое, как день, пространство. Среди ароматов духов и шелка царил смех и веселье, все было очень оживленно. Сяо Сучао, словно превратившись в надежный барьер, ни на шаг не отходил от Кан Линъи. Когда кто-то подходил поздороваться, он вовремя, мягко, но уверенно брал разговор на себя, ловко рассеивая утомительные формальности. Когда кто-то приглашал на танец, он первым делом подхватывал Кан Линъи, и они изящно скользили по танцполу. Кан Линъи, прильнув к нему, слегка запрокинула голову и тихо поддразнила: «Ты, мой рыцарь, все более и более ответственно выполняешь свои обязанности. Неужели заранее репетировал?» Сяо Сучао, глядя на нее сверху вниз, его взгляд был настолько нежным, что мог бы утопить: «Для тебя — с радостью, без всякой репетиции».

Однако, в середине танца, освещение внезапно замерцало несколько раз, а затем большая часть ламп погасла. Зал мгновенно охватила паника, крики ужаса раздавались повсюду. Сяо Сучао отреагировал молниеносно, крепко прикрывая Кан Линъи собой, его духовная сила тайно бурлила, готовясь к действию. В темноте зловещая аура смертельного убийства, словно чернила, растворяющиеся в воде, медленно распространялась, тонкие нити излучали опасные сигналы. Атмосфера, только что наполненная блаженством и романтикой, мгновенно была разорвана этим напряжением.

Со стороны Е Ваншу, Гу Сюхань также шел по пятам, все его внимание было сосредоточено на прекрасной спутнице. При входе, когда восхищенные взгляды окружающих привлекли их, он с гордостью не мог удержаться и прошептал Е Ваншу на ухо: «Ваншу, посмотри, все покорены твоей красотой». Е Ваншу бросила на него испепеляющий взгляд, но уголки ее губ слегка изогнулись: «Ты слишком много говоришь».

Войдя в зал, Гу Сюхань быстро схватил желаемые Е Ваншу лакомства, положил их на изящную тарелочку и протянул ей: «Начни с этого, закуска, блюда банкета еще не скоро подадут, не голодай». Е Ваншу взяла тарелку, откусила кусочек, сладкий вкус распространился на языке, и ее настроение стало еще более радостным. Пока они разговаривали, оркестр заиграл медленную и романтическую мелодию. Гу Сюхань протянул руку: «Ваншу, не откажешь в честь танца?» Е Ваншу вложила руку в его ладонь, и они вышли на танцпол.

Пока они наслаждались танцем, свет погас, и Е Ваншу инстинктивно крепче сжала руку Гу Сюханя. Гу Сюхань уверенно сжал ее руку, мягко успокаивая: «Не бойся, я здесь». Одновременно с этим, духовная сила вокруг него начала светиться слабым светом, он настороженно сканировал любые движения в темноте, готовый к любой возможной опасности.

На этом роскошном банкете за бокалами вина и среди благоухающих нарядов собрались сливки общества, каждый с соответствующей улыбкой, вращаясь в этом пиру славы и богатства. Как только Кан Линъи и Е Ваншу вошли в зал, они, словно две самые сияющие жемчужины, мгновенно привлекли к себе бесчисленное количество взглядов.

«Две императрицы семьи Е, спустя три года, стали еще более изящными, словно летящий лебедь». Вдруг раздался голос, исполненный нескрываемого желания. Все посмотрели на говорящего.

Кан Линъи, и без того холодная по натуре, будучи оскорбленной словами этого господина Вана, мгновенно нахмурилась. Ее красивые брови сдвинулись вместе, казалось, могли бы и муху раздавить. Нетерпение в ее сердце, словно бушующий прилив, мгновенно переклестнуло через край, ревя и плеща, стремясь поглотить надоедливую парня перед ней. Но она, в конце концов, была императрицей семьи Е, прошедшей через бесчисленные бури, и видела любые ситуации. Выражение на ее лице осталось неизменным, спокойным, лишь слегка приподняв свои изящно изогнутые подбородок, она очертила холодный и насмешливый изгиб, а затем, протиснув слова сквозь зубы, произнесла: «Говорят, господин Ван, вы известны в деловых и светских кругах как знаменитый повеса, и красавиц, которых вы видели, наверное, больше, чем здесь присутствующих гостей. Говорить «тучи и моря» — недостаточно, чтобы вас описать. Как же так, сейчас вы все еще недовольны и зачем-то переносите свои низменные, грязные мысли на нас с сестрой?» Ее тон был неторопливым, словно медленно текущая зимняя река, но в нем заключалась прохлада, и каждое слово, словно ледяной осколок, несущийся с пронизывающим ветром, проникало до самых костей, заставляя слушателя невольно содрогнуться.

Е Ваншу, стоящая рядом, также нахмурила тонкие брови. Ее обычная мягкость исчезла без следа, взгляд был полон неприкрытого отвращения и презрения, словно острые лезвия, направленные прямо на господина Вана. Затем она продолжила, вторя сестре: «Господин Ван, ваш взгляд слишком бесцеремонен. Неужели вы правда думаете, что это ваш задний двор, где вы можете делать все, что захотите?» Сестры стояли плечом к плечу, их аура была полностью раскрыта, невидимое давление, словно уплотнившаяся волна, бушующе распространялось вокруг. Многие люди вокруг, почувствовав эту подавляющую ауру, молча отступили на несколько шагов, их взгляды уклонялись, но они не могли не наблюдать украдкой, гадая, чем закончится это противостояние — будет ли семья Е полностью унижена господином Ваном, или же господин Ван сможет чудом найти выход.

Господин Ван был так ошарашен этими двумя фразами, что его лицо то краснело, то бледнело, словно палитра художника, цвета которой смешались. В ярости и обиде он даже пытался вести себя дерзко. Его толстые губы неконтролируемо дрожали, словно два жирных куска мяса, съеживающиеся на холодном ветру. Он уже собирался выкрикнуть угрозы, как вдруг из толпы раздалось несколько нарочитых кашлей. Этот кашель был как строгий сигнал тревоги. Все посмотрели на источник звука и увидели нескольких уважаемых ветеранов делового мира, которые с недовольным видом смотрели на господина Вана, в их глазах были предупреждение и упрек. В этой сложной паутине связей мира денег и славы, семья Е занимала значительное положение, подобно гигантскому дереву, корни которого переплетались, затрагивая всю систему. Никто не хотел из-за безрассудных действий господина Вана понапрасну обидеть семью Е и навлечь на себя беду.

Увидев это, высокомерный пыл господина Вана мгновенно взлетел вниз, словно спущенный воздушный шар, сдувшись. Но он все еще дерзко выпрямлял шею, пытаясь вернуть себе лицо. Вид его был подобен проигравшему, но все еще храброму петуху: «Две императрицы, не поймите неправильно, это у меня... это у меня профессиональная болезнь. Мы, в нашем деле, когда видим выдающихся девушек, у нас появляется профессиональная болезнь, и я сказал лишнее, надеюсь на ваше понимание». Говоря это, он лихорадочно поднял руку, его короткие толстые пальцы суетливо терли лоб, пытаясь стереть крупные капли пота. Но пот, словно сорвавшийся кран, неудержимо тек, его жалкий вид был так смешон, что многие втайне усмехались.

Кан Линъи холодно фыркнула, ее голос был словно лед, раскалывающийся: «Господину Вану стоит хорошенько вылечить свою «профессиональную болезнь», чтобы однажды он не споткнулся и не упал в канаву, а потом не рыдал. Не говорите тогда, что мы вас не предупредили заранее». Е Ваншу тоже добавила язвительно, ее тон стал еще более острым: «Да, не думайте, что кто-то может терпеть ваше поведение. И не взвешивайте себя, чтобы понять, чего вы стоите».

Когда атмосфера стала ещё более напряжённой, организатор спешно вмешался, чтобы разрядить обстановку. Его лицо расплылось в подобострастной улыбке, которая, казалось, вот-вот выплеснется наружу. Он размахивал руками, пытаясь отвлечь внимание присутствующих: «Господа, господа, не стоит портить настроение из-за такой мелочи. Давайте сосредоточимся на редких лотах сегодняшнего аукциона. Это же настоящие сокровища, каких мало!» Окружающие гости, поняв намёк, слаженно поддержали его. Вскоре оживлённая атмосфера вернулась, и смех снова наполнил зал, словно недавнее напряжение было лишь мимолётным видением.

Сяо Сучао и Гу Сюхань воспользовались моментом, чтобы быстро вернуться к Кан Линъи и Е Ваншу. Сяо Сучао слегка наклонился и прошептал Кан Линъи: «Все в порядке?» В его голосе звучала искренняя забота. Кан Линъи лишь слегка покачала головой и небрежно ответила: «Всё хорошо, просто назойливая муха жужжала, немного испортила настроение». Но, несмотря на её слова, слегка нахмуренные брови выдавали, что этот небольшой инцидент всё же омрачил её настроение.

Ужин продолжился, начался аукцион. Изящные официанты выносили на сцену одно за другим редкие сокровища. Под блеском ярких огней они испускали манящее сияние, волнуя сердца присутствующих и вызывая волну заявок, поднимающуюся всё выше и выше. Е Ваншу случайно бросила взгляд на изящную нефритовую шпильку и мгновенно замерла, задержавшись на ней на несколько секунд. Шпилька была безупречно гладкой, нефрит — прозрачным, и казалось, что в свете он излучает едва уловимое сияние. Резьба была выполнена с невероятным мастерством, цветы на головке шпильки выглядели так живо, словно на них всё ещё собирались капельки утренней росы. Гу Сюхань, который всё время внимательно следил за выражением лица Е Ваншу, тут же обо всём догадался и про себя решил, что во что бы то ни стало должен заполучить её, чтобы подарить эту желанную вещь прекрасной даме.

В этот момент атмосфера на аукционе была необычайно оживлённой. Разнообразные редкие предметы соревновались в великолепии, напоминая роскошный визуальный праздник. Взгляд Кан Линъи случайно упал на выставленный на подиуме императорский скипетр Жуи, и на мгновение её глаза, словно притянутые магнитом, перестали двигаться. Нефрит скипетра был мягким и нежным, подобно озеру, пробивающему лёд в начале весны, он излучал свежесть и влажность нового зарождения. Под светом ламп он тускло светился, словно драгоценный жир, и хотелось прикоснуться к нему. Тело скипетра было белоснежным и безупречным, как будто вымытым чистейшим снегом. Лишь редкие светлые зелёные прожилки, подобно облакам, окутывающим горы, казались живыми и призрачными, излучая естественное, благородное очарование, словно вобрав в себя дух неба и земли. Головка скипетра была искусно вырезана в форме гриба Линчжи. Каждая линия была плавной и естественной, полной и округлой, как будто созданной самой природой, будто в следующий момент она могла бы начать вращаться, принося удачу своему владельцу.

Сяо Сучао всё время следил за изменениями в выражении лица Кан Линъи. Увидев, что её взгляд остановился на чём-то одном, он проследил за её взглядом. Едва увидев этот императорский скипетр Жуи, он мгновенно всё понял. Уголки его губ непроизвольно приподнялись, образуя ласковую и потворствующую улыбку, полную той нежности, которую он проявлял только к Кан Линъи. Он осторожно протянул руку, его длинные пальцы накрыли нежную руку Кан Линъи, и слегка сжал её, словно безмолвно передавая свои чувства, или же давая ей утешение и обещание. «Нравится?» — он слегка наклонился, приблизился к уху Кан Линъи и тихо произнёс, добавляя нотку интимности, присущей только им двоим, словно боясь, что кто-то мог подслушать, — «Будем бороться за него». Его тон был нежным, но решительным, а в глазах читалась непреклонная твёрдость. Стоило Кан Линъи кивнуть, и даже несмотря на ожесточённую конкуренцию на аукционе и пристальные взгляды различных сил, он приложил бы все усилия, чтобы преподнести этот скипетр Жуи ей, пусть даже ценой всего.

Окружающие гости тоже заметили движение здесь. Некоторые с любопытством бросили взгляд, пытаясь угадать, какой ещё редкий сокровище заинтересовало эту императрицу из семьи Е, их глаза были полны исследования. Другие же мысленно оценивали, есть ли у них шанс получить долю, если семья Е вступит в торги, их умы работали с бешеной скоростью. В одно мгновение этот маленький уголок стал местом, где под поверхностью спокойствия бурлила скрытая жизнь.

Аукцион становился всё более ожесточённым, цены росли, словно дикая лошадь, несущаяся без остановки. Шпилька, которая так понравилась Е Ваншу, привлекла внимание нескольких богатых дочерей. Они не уступали друг другу, перебивая ставки, и крики становились всё громче и выше, каждая стремилась заполучить шпильку. Скипетр Жуи, который выбрала Кан Линъи, привлёк внимание нескольких коллекционеров. Когда эти эксперты вступали в игру, их аура была необыкновенной, каждое повышение ставки сопровождалось решимостью довести дело до конца, вызывая страх у других. Сяо Сучао и Гу Сюхань также не отставали, постоянно повышая ставки, с невозмутимым и твёрдым видом, стремясь получить желаемое для своих любимых девушек. Эта битва без применения оружия добавила вечеру острых ощущений. Взоры всех переходили от одного лота к другому, от одного соперника к другому, смешивая волнение и ожидание, что привело аукцион к кульминации.

<http://bllate.org/book/19648/1932198>